

УДК 82(569.4)

Е. Н. Бескровная

Днепропетровск

**ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРОБЛЕМУ
«МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» ТВОРЧЕСТВЕ А. Б. ИЕГОШУА**

Рассматриваются проблемы современной израильской литературы на примере творчества писателя XX века А. Б. Иегошуа.

Ключевые слова: современная израильская литература, традиции трансформации Торы, психологизм героя произведения и Тора.

Розглядаються проблеми сучасної ізраїльської літератури на прикладі творчості письменника XX століття А.Б. Ієгошуа.

Ключові слова: сучасна ізраїльська література, традиції трансформації Тори, психологізм героя твору та Тора.

In the article we are looking to the problem of the Modern Hebrew Literature for the example of the artistic creative works of A.B. Iehoshua.

Key words: the Modern Hebrew Literature, the Tradition of the transformation of Torah, psychology of the hero of work and the Torah.

Современного израильского писателя А. Б. Иегошуа можно назвать мастером психологического жанра, в центре творчества которого находится углубленное проникновение в душу «маленького человека», окруженного проблемами и заботами, живущего в своем индивидуальном духовном мире. Именно поэтому, создавая свои рассказы, автор в центр сюжета помещает принцип изображения героя с помощью лирического стихотворного жанра. В частности, А. Б. Иегошуа пишет: «Без поэзии нет прозы . Она тот первоначальный и древний материал, который учит писателя, что смысл слов – лишь их поверхностный слой и что под ним располагается слой более глубокий и первичный, слой их материальности и чувственности» [1, с.7].

А. Б. Иегошуа – писатель не только современный с точки зрения трансформации Торы, но и в первую очередь художник, который через историю древнего Израиля рассматривает проблемы человеческой души. Его творчество – это своеобразный переход от истории до периода Письменной

Торы к истории современности. С точки зрения философского восприятия мира, трансформируя трактат «1 תּוֹרָה», он рассматривает и главный символ независимости Израиля.

Древние евреи рассматривали шестиконечную звезду (Маген Давид) как воплощение первоосновы мира, которое заключено в двух треугольниках – в слиянии женского и мужского начала. Этот скрытый символ (шестиконечная звезда) не только способствовал созданию первых людей на земле, но и продолжал развитие человеческой мысли. Впоследствии христианское Декартовское «Cogito, ergo, sum», трансформируясь в двух направлениях (иудейском и христианском), получает свое новое неповторимое развитие в современной израильской литературе.

Рашель Фурстенберг в статье «Израильская литература 1985 года» относит А. Б. Иегошуа к числу писателей, стремящихся подчеркнуть в человеке его личностное начало [5]. Для своего романа А. Б. Иегошуа выбирает своеобразную форму, пожалуй, характерную только для библейского повествования (Притчи Соломоновы, Псалмы Давида, Песнь Песней): роман написан в форме диалогов, «причем в каждом читатель слышит голос только одного собеседника, и лишь по его репликам можно догадаться о реакции других. Повествование свободно переходит от событий восьмидесятых годов нашего столетия к событиям конца, середины и начала девятнадцатого века...» [5, с. 2]. Автор воспринимает своего героя сквозь призму говорящих о нем людей. Герой романа А. Б. Иегошуа «Господин Мани» еврей Мани живет не одну, а пять жизней, и каждый раз перед читателями романа встает образ Вечного Жида – Агасфера, который, блуждая по вселенной, ищет смысл жизни в себе самом. Самый старший из семьи Аврахам, относится к тому поколению людей, которые стремятся найти источник жизни в древности. Его искания соединяют в себе специфику «Песни Песней» с мудростью Талмуда. В его любви к жене учителя-хахама раби Хадаи госпоже Флоре чувствуется стремление найти источник семени жизни, смысл которой в продолжении рода человеческого. Ради нее он идет на все: «Я вбираю его, и мы вновь становимся единым целым, я – это он, он – это я. И тогда по праву бейрутской помолвки и иерусалимского освещения брака, я встаю и вхожу... опрокидываю меховой ком, разворачиваю и овладеваю его невестой, чтобы родить себе внука. Возрождаюсь и умираю, возрождаюсь и умираю» [2, с. 206].

Смысл любви для Аврахама Мани соединяется воедино с зародышем «Песни Песней»:

Я же к тебе устремлюсь,
Эстерика, зеница ока.
Все целуют мезузу.
Я же целую ланиты твои,
Эстерика, зеница ока [3, с. 192].

Библейская Песнь любви постепенно переходит в реальную действительность, так как библейская героиня принимает реальные черты одной из героинь романа Тамар: «Она смотрела мне прямо в глаза, не как

великая грешница и не как жертва, а как строгий, пытливый судья, который должен вынести заключение о том, достоин ли я настоящей любви» [3, с. 207]. Автор следует за традицией ортодоксального раввина, называя женщину пророчицей и судьей, но, переходя от главы к главе, от монолога одного героя к монологу другого, все-таки сохраняет суть ее главного предназначения – рождения человека. Так, шведка из родильного дома Мани, которая помогает роженице в появлении ребенка на свет, кажется, рождает сама: «...роженица выгибается дугой, она, кажется в торит ей: тоже кривит лицо, тоже изгоняет злых духов, matka открывается еще шире, на белой простыне растет бурое пятно, и ты не знаешь, чья боль острее – роженицы или акушерки, которая начинает стонать еще раньше, чем роженица...» [3, с. 73]. В то же время Иегошуа утверждает значение рождения человека и роль, которую играет при этом мужчина: «Мани захватывает одной рукой ребенка, поднимает его, хлопает по спине, чтобы тот огласил комнату своим криком и прорезает пуповину, затем промокает кровь и так свободно, непринужденно вручает его нашей Линке, которая все еще чуть ли не в шоке – будто она мать, а он отец... словно этим жестом он утверждает свое право на нее» [3, с. 74].

Иегошуа показывает в романе, что именно роды женщины производят влияние на мужчину, делая его сильным. Именно так на мировоззрение одного из представителей рода Мани в 1899 году, в Иерусалиме повлияли роды женщины, и он понял, что его предназначение состоит в том, чтобы сделать все для процветания Эрец-Израэль. В смысле рождения ребенка заключен смысл рождения всего народа, поэтому, выступая перед своим слушателем, Мани с гордостью восклицает: «Кто вы такие? Проснитесь пока не поздно, пока все не пошло вверх тормашками. Решите, наконец, кто вы такие, – от достал из кармана Декларацию Бальфура, которую специально для этого случая перевел на арабский, зачитал, как она есть, без комментариев, а потом продолжил: «Эта земля ваша и наша. Половину – вам, половину – нам» [3, с. 264–265]. Он указал на Иерусалим, едва различимый в дымке вдаль, на горе. «Там англичане, – сказал он, – здесь турки, но те и другие уйдут, а мы останемся. Пробудитесь, спать больше нельзя» [3, с. 264–265]. Этот представитель рода Мани подобен своему предшественнику Иосифу, который считает, что евреи должны знать, что они евреи.

А. Б. Иегошуа четко следует за традицией иудаизма, раскрывая вместе с тем противоречие, открывающее личностное, неповторимое начало в человеке. Автор поднимает вопрос философской категории «любви». Аврахам Мани фактически овладевает Тамар, женщиной, которая на тридцать лет младше его, только потому, что любит ее; доктор Мани влюбляется в Линку и расстается с жизнью, бросаясь под поезд, только потому, что любит ее; последний из рода Мани хочет покончить жизнь самоубийством только потому, что понимает, что студентка Хагар Шило никогда не сможет ему принадлежать. И вместе с тем автор возвращает всех своих героев в лоно иудаизма, в котором брак должен достигнуть цели,

поэтому Аврахам Мани произносит слова, которые становятся смыслом жизни для всех героев романа: «Я вам не только отец, но и обе матери, которые у вас обоих умерли в расцвете лет, поэтому мой долг окружить вас материнской заботой, но вы должны родить мне внука, иначе мне незачем жить» [3, с. 168–169]. И здесь снова возникает противоречие между философской категорией «любви» и рационализмом иудаизма, на которое Тamar и Иосиф отвечают: «Наши сердца, отец, должны проникнуться этими звуками и начать биться созвучно им, пока забытая правда не выйдет наружу, иначе, что же с нами будет?» [3, с. 169].

Смысл рождения человека проникает в каждое поколение рода Мани, накладывая на него свой неповторимый отпечаток, связывающий каждую личность с эпохой, в которую он живет; но автор, как бы вторя духу времени, пытается вернуть своих героев в пуповину жизни, в центр мира – Иерусалим. Возможно, поэтому описание характера Мани-второго совпадает с рождением Иерусалима в его душе: «...В нем, отец, борются два света: золотистый, который струится из пустыни, и лазурный, который рождается в море и на пути к Иерусалиму карабкается по холмам, вбирая в себя цвет олив и камней; здесь они черпают друг в друге силы, временами один перекрывает другой, к вечеру они сливаются в цвет золотого вина, которое стекает по веткам деревьев, потом этот свет приобретает красноватый отблеск меди и лучи его, едва проникая в окно, обжигают молящихся, поднимают их на ноги, заставляют исходить в молитве, которая захлестывает мир, застывший за стенами синагоги, страстной мольбой о пощаде» [3, с. 105]. Иерусалим предстает перед героями в трех измерениях: город Божественного присутствия, истории народов и современности, уходящей в историю, поэтому Мани-второй свято верит в то, что «придет час, наступит конец света, и все встанут прямо из могил...» [3, с. 20]. А. Б. Иегошуа в своем романе «Господин Мани» проводит своих героев сквозь брешь веков к Иерусалиму – центру вселенной, первооснове мира, раскрывая главную идею «Песни Песней»: Земля Израиля – невеста.

Большое влияние на творчество Авраама Б. Иегошуа, по мнению израильского литературоведа Гарольда Фиша, оказал также Шмуэль Иосиф Агнон. В частности Г. Фиш отмечает: «Агнон не только дал литературные образы многим молодым израильским писателям, но и открыл доступ в глубину их собственной души, предоставляя им возможность постичь свою истинную индивидуальность. И даже неуверенно бредя в темноте, они могут нащупать ключ. Скорее всего, он не подойдет к древнему бет-мидрашу, но не исключено, что он приведет к другому ключу, а тот к третьему и так далее» [4, с. 79] «Затянувшееся молчание поэта» – рассказ, созданный в 1964 году.

Автор как бы движется от пустоты, окружающей его героя, к тому, что наполняет жизнь новым содержанием. В конечном итоге, рассказывая историю отца, у которого родился сын-урод, А. Б. Иегошуа, в конечном итоге понимает, что ребенок, хотя и урод, но единственный, кто понимает

его, и только его одного. В рассказе происходит раздвоение личности между сыном и отцом, между поэтом и человеком. При этом человек, побеждая сам себя, в конечном итоге становится поэтом:

«Над головою жалоба ветвей.

Я ли не хотел творить? Меня ли не глодала тоска? Но есть ли о чем писать и что предъявить? Осталось ли на свете такое слово? И я говорю вам это слово: обман. Все обман. И старый тополь умирает. Дрожа от страха, от мучений теряет ствол, свою кору. Утратил многоцветие сад. Мох облепил валуны.

Ввысь медленной стрелой вознесись. Возлечь на пухе облаков, спиной к земле, очами – к нерушимой сини.

Отставной поэт. Вот он я» [1, с. 322–323].

Сюжет произведения построен так, что если вчитаться в строки, используемые поэтом в перерыве между с рассказом о сыне-уроде, можно получить отдельное произведение, в котором автор соизмеряет себя с существом Бытия:

«... И не только глаза...
И не взирая на все это
Больше мое имя не поминалось все ... Но меня
это не задело. Я оставался непоколебим.
И эта пустыня, куда ни глянь...
Великая мертвая сушь...
И нечистоты, груды камней – дань бытию.
Я смежил веки.
Эта «безымянность» пришла мне по
душе. Буря оваций умиленных родителей.
И эти, заполнившие собою все комнаты цветы.
И это затянувшееся облаками небо» [1, с. 323].

«Приложение к одной из самых паршивеньких и спесивых газетенок. Дата – сегодняшний, рвущийся в мир день... На следующей, в углу слева мне открывается стихотворение: великолепнейшая галиматья, непревзойденный образец бессодержательности и отсутствия формы, где прерваны все грамматические акценты, не говоря уже о смысловых, с варварски обрубленными строками и притянутыми за уши рифмами...

Лишь сейчас я заметил, перед стихотворением мое имя. “Автограф”. Шаткие увечные букочки...» [1, с. 323].

Писатель подчеркивает, что, только оставаясь в тишине и наедине с самим собой, человек может творить.

Рассказ «Лицом к лицу с Лесом» написан автором в 1965 году. Герой этого произведения – молодой аспирант, каким в свое время был А. Б. Иегошуа, ищет одиночества и находит его, устроившись лесником. Ему кажется, что он уже нашел себя, но он занят не своим делом и не хочет понять это, поэтому его одиночество нарушает внезапно возникший в лесу пожар.

Сюжет в рассказах этого периода стандартен. Автор просто рисует свои ощущения и, уходя в свое «Я», показывает, насколько «велик» человек в

одиночестве. В 1966 году А. Б. Иегошуа пишет рассказ «Три дня и ребенок». Лишенное какого-нибудь связного сюжета произведение просто передает ощущение писателя и его отношение к женщине, которую он любил. Как известно, в 1960 году писатель женился, и в 1966 году у него появилась дочь. Рассказ «Три дня и ребенок» – это ощущение автора по поводу рождения первого ребенка.

Главному герою привозят ребенка. Привозит женщина, которую он когда-то любил, и оставляет на то время, пока они с мужем будут сдавать вступительные экзамены в университет. Первое, на что обращает внимание автор, – это то, что ребенок очень похож на мать: «сходство ребенка с матерью оказалось поразительным, почти пугающим... Тот же овал лица, тот же, словно выточенный чувственный рот. И глаза, те же глубокие, посаженные глаза...» [1, с. 16]. При виде этого ребенка у автора, так же как и у героя, возникают смешанные чувства: «Поначалу он доставил мне массу хлопот, позже посетила даже мысль – а не убить ли мне мальчика. Не сложилось. И что меня остановило? В этом предстояло еще разбираться и разбираться...» [1, с. 16].

В том же 1966 году А. Б. Иегошуа пишет рассказ «Долгий знойный день», в котором также передает ощущения и переживания отца, но уже взрослой дочери. Он – отец, человек, читающий письма Гади, человека влюбленного в его дочь Тамар, становится эгоистом только потому, что его дочь могут постигнуть те же страдания, которые пережил он сам. И он счастлив в своем эгоизме.

Эгоизм героя – это его авторская позиция, это уход в самого себя, чтобы постичь тайну Бога и Бытия, именуемую человеческой душой. И человеческая душа страдает в поисках жизни, в поисках ребенка, что и отражается в его пьесе «Ночь в мае»...

Пьеса «Ночь в мае» – это один день из жизни героев, наполненный переживаниями и страданиями.словно вихрь пронесется документальный кадр. Мать главной героини, не выдержав жизненных испытаний, попадает в психиатрическую клинику. Этот образ фрагментарен, особенно на фоне Иерусалима, который ждут перемены и который словно застыл в ожидании чего-то невозможного в своей неповторимой красе. Однако это безмолвие прерывает слово «Война»:

«Терция: Мамочка!

Старуха (нежно поглаживает дочь по плечам): У меня начинается мигрень. Что ты разволновалась? Что случилось? Не будь ребенком. Ведь ты уже не молода. Пришло время понять это (И вдруг с болью, словно что-то осознав.) Девочка моя! (Уходит.)

(Терция ходит по опустевшей комнате, собирает чашки, включает приемник. Выходит из комнаты.)

Женщина-диктор: ...явиться на свои сборные пункты военнообязанным, приписанным к следующим подразделениям: «Морские паруса», «Голубые небеса», «Многоцветия краса», «Желтый колосок»,

«Жухлый стебелек», «Гранитная твердь», «Запертая дверь», «Ночь беспросветная», «Даль несусветная», «Огнедышащий зверь»...» [1, с. 430]. Фактически в этих названиях отражена история Израиля, связанная с двенадцатью коленами, которые Моисей вывел из Египта. Мы видим, что даже в современности автор непосредственно обращается к теме древности.

Библиографические ссылки

1. Иегошуа А. Б. Сборник рассказов / А. Б. Иегошуа. – Москва-Иерусалим.: Гешарим – Мосты культуры. 2002.
2. Иегошуа А. Б. Господин Мани. – Т. 1. / А. Б. Иегошуа. – Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990.
3. Иегошуа А. Б. Господин Мани. – Т. 2. / А. Б. Иегошуа. – Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990.
4. Фиш Г. Очерки современной израильской литературы / Г. Фиш. – Москва-Иерусалим, 1994
5. Фурстенберг Р. Израильская литература 1995 года / Р. Фурстенберг //Ариэль, Иерусалим. – 1996. – №25. – С. 62–70.

Надійшла до редколегії 30.01.2013 р.